

АЗБУКА ТЕА

Я НЕ МЕРТВА

ТЕНИ ПРОШЛОГО —
ЕЕ ГЛАВНАЯ БОЛЬ
И ГЛАВНОЕ ОРУЖИЕ

18+

ОТ АВТОРА «НАЙДИ МЕНЯ»

ЭНН ФРЕЙЗЕР

Энн Фрейзер
Я не мертва
Серия «Детектив Джуди
Фонтейн», книга 1
Серия «Новые звезды триллера»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74633546

Я не мертва: Москва; 2026

ISBN 978-5-389-35459-3

Аннотация

Три года детектив Джуди Фонтейн была изолирована от внешнего мира. Заключенная в подземной камере, она общалась только со своим садистом-похитителем, и чтение его мыслей по выражению лица стало единственным, что поддерживало в ней жизнь. А теперь, после побега из плена, Джуди обрела обостренную способность интерпретировать язык тела как живых, так и мертвых. Несмотря на сомнения коллег в ее психическом здоровье, Фонтейн возвращается к работе в отделе убийств. Новый напарник Юрая Эшби не доверяет ее чутью, хотя и у него есть тайны, которые он предпочел бы скрыть. Но в Миннеаполисе орудует жестокий маньяк, убивающий девушек, поэтому у детективов нет выбора: они должны работать вместе, чтобы

поймать безумца, прежде чем он совершит новое преступление.
А безумцев никто не сумеет понять лучше Джуди Фонтейн.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Энн Фрейзер

Я не мертва

Истории отпечатываются на лицах мертвых

Anne Frasier

THE BODY READER

Copyright © Theresa Weir, 2016

All rights reserved

Печатается с разрешения *Amazon Publishing*,
www.apub.com.

Издательство выражает благодарность литературному агентству *Synopsis Literary Agency* за содействие в приобретении прав

© А. В. Александров, перевод, 2026

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Глава 1

Настал день, когда она перестала кричать.

В тот же день она перестала думать о мире за пределами лишенной окон камеры. Того мира больше не существовало. Во всяком случае, для нее. Остались только время от времени появляющиеся тарелки с едой, которую она поглощала в темноте, ничего не видя, неспособная определить на вкус, что пихает в рот.

Вся ее жизнь теперь состояла в том, чтобы прислушиваться, не зазвучат ли его шаги на лестнице. Прислушиваться к шарканью по цементному полу, ждать, когда раздастся голос, когда он заговорит. Господи прости, она дошла до того, что стала с нетерпением ждать его появления. Все что угодно, лишь бы не эта тишина в голове.

Но временами он вытаскивал ее из камеры, из темноты на свет, и она моргала от ослепительной яркости одинокой лампочки, болтающейся под потолком подвала. Когда она пыталась сказать что-то незнакомым глухим и хриплым голосом, он наотмашь бил ее по лицу.

Она не протестовала.

Сегодня он подвел ее к сливу в углу подвала, выкрутил кран и, направив на обнаженное тело шланг, стал обливать ледяной водой.

Но и тогда она не кричала. У нее уже не осталось крика.

– До чего ж ты мерзкая.

Наверное, так и было. Возможно, поэтому он больше не прикасался к ней. Вот и хорошо, что мерзкая.

Окатив ее как следует, он перекрыл воду. Она стояла и отчаянно тряслась от холода, отстраненно наблюдая за собой. какая занятная реакция.

– Пошла. В камеру!

Сначала она пыталась сохранить собственное «я». Некоторое время говорила себе о том, кто она такая, вспоминала цвет своих волос, черты лица. Но в конце концов бросила все это. Ее жизнь теперь здесь, а волосы и лицо больше не имеют никакого значения. Когда перестаешь чего-либо хотеть, выживать становится легче. Если сдаться и смириться с судьбой, существование становится терпимым, потому что не нужно каждый день заново привыкать к бесконечному кошмару.

В камере она сжалась на полу, подтянув колени к груди и продолжая дрожать.

Сейчас он запрет дверь.

– Может, останешься ненадолго? – попросила она едва слышно. – Поговоришь со мной.

Мужчина молча пялился на нее. Нестриженная борода, жестокий и одновременно рассеянный взгляд, нечесанные бурые волосы. Он даже не думал о ней. Она превратилась в неприятную обузу вроде собаки, которую уже жалеешь, что завел, но которую все же приходится кормить. Если, конечно, он

не забывал покормить ее.

Лампочка за спиной у мужчины замерцала и погасла, и во всем доме наступила тишина. Он вполголоса выругался в темноте.

Вокруг было чернее черного, но она дружила с чернотой. В мире, где зрение стало бесполезным, слух у нее обострился. Она привыкла смотреть сквозь тьму, мысленно дорисовывая обстановку, вычисляя расстояние до стен и высоту потолка.

Через пару секунд после того, как свет пропал, она почувствовала нечто странное, чего уже давно не ощущала.

Надежду.

Она знала, сколько места занимает, знала свой рост и вес. Знала о мозолях у него на руках и длинном широком шраме на животе. Знала окружность его бицепсов и запах пива и сигарет у него изо рта.

Странно, что ей в голову пришла мысль о побеге, ведь она давно уже сдалась. Или просто впала в спячку и бессознательно ждала подходящего момента, когда вселенная склонит чашу весов в ее пользу? Ждала той секунды, когда получит преимущество.

Она видела в темноте.

Не мистическим образом, а как грызун под названием голый землекоп, который провел всю жизнь в полной тьме. Наступает время, когда отсутствие света уже не мешает.

Мужчина носил электрошокер на левом бедре. Незнако-

мой модели, но ее мучитель столько раз применял его, что она уже досконально изучила устройство. В крошечной тьме она рассчитала в уме расстояние, вскочила и бросилась вперед. Ее рука нащупала чехол и выхватила электрошокер.

Она нажала на кнопку, и оружие с жужжанием включилось. В лицо ударила волна воздуха: мужчина пытался ее схватить.

Сжимая электрошокер, словно меч, она сделала выпад, надеясь попасть ему в грудь. Щелкнул разряд, мужчина булькнул горлом, повалился на пол и забился в конвульсиях у ее ног.

Она скользнула мимо и неверными шагами двинулась вперед, пока не коснулась перил деревянной лестницы на первый этаж.

Месяцами изо дня в день она слушала, как он ходит по полу у нее над головой, как снимает кобуру и бросает пистолет на стол.

Растопырив руки, она вслепую вскарабкалась по ступенькам, вошла в кухню, нащупала стол, и ее пальцы нашли искомое.

Бросив электрошокер, она расстегнула кобуру и вытащила оружие – судя по весу и форме, смит-вессон полицейского образца, сороковой калибр.

На лестнице у нее за спиной загрохотали шаги.

Проверять обойму времени не осталось. Держа пистолет обеими руками, она прислушалась к доносящимся снизу зву-

кам: косолапое шарканье, прерывистое дыхание, его приближающаяся ярость.

Она выстрелила три раза подряд. Три вспышки разорвали мрак, три горячие гильзы покатались по полу, и в нос ударил запах пороховых газов.

Мужчина крикнул, и его тело с грохотом скатилось по лестнице.

Теперь можно вернуться домой.

Она развернулась, на ощупь нашла заднюю дверь и открыла ее.

Зима.

Такого она не ожидала; от холода перехватило дыхание.

Внутри все кричало: «Беги!» Но она заставила себя вернуться в кухню. На вешалке нашлась тяжелая парусиновая куртка, и она надела ее на голое тело и застегнула от колен до подбородка, потом вытащила из кармана вязаную шапку и натянула на влажные волосы.

От всех вещей исходил его запах, и на нее неожиданно накатила грусть. Правильно ли она поступила, убив его?

Она сунула ноги в слишком большие хозяйские ботинки, спрятала пистолет в карман и без оглядки бросилась прочь.

Домой.

К другому мужчине, чье имя уже стерлось из памяти — осталось только лицо. Она помнила лицо, помнила прикосновения и улыбку.

В домах вокруг было темно, даже уличные фонари не го-

рели. Ни звезд, ни луны. «Блэкаут» – всплыло в голове слово из прошлой жизни.

Чтобы не потерять ботинки, она шаркала ногами по снегу, не обращая внимания, что ноги немеют от холода. Это было даже приятно.

Обрамленную сугробами улицу осветили фары машины, приближавшейся сзади. Поплотнее запахнув куртку, она продолжала идти.

Машина остановилась на перекрестке – такси. Она побежала, нагнала автомобиль, распахнула заднюю дверцу и прыгнула на сиденье.

И тут ее охватило замешательство. Она еще кое-что помнила из прошлой жизни и понимала, что нужно поскорее обратиться в полицию. Мелькнула мысль рассказать о побеге таксисту, но в то же время не хотелось ни общаться, ни делиться чем-то сокровенным. Хотелось только одного: оказаться дома.

Водитель с отвращением выругался и, повернув голову к ней, бросил:

– Хрен там. Выходи из машины. Бездомных не беру.

Выходить из машины в ее планы совершенно не входило. Ни за что.

– У меня есть дом. Туда мне и надо.

В машине ее голос звучал странно. Совсем не так, как в подвале, в камере, когда она говорила сама с собой, – там слова звучали глухо. Здесь же она прямо-таки видела аку-

стические волны, отражающиеся от стенок кабины, и даже различала эхо, придававшее ее хриплому, осипшему голосу некоторую звучность. После звукоизолированной камеры здесь, в машине, никакие ее чувства ничто не заглушало. Если подумать, это же просто невыносимо. Разве можно такое терпеть? Вибрации окружающего мира, запахи. Липкая от прикосновений бесчисленных седоков обивка сиденья под голыми ногами. Свисающий с зеркала заднего вида автомобильный ароматизатор, от которого слезятся глаза и першит в горле.

Она вытащила из куртки пистолет и направила на водителя.

– Поехали. – И продиктовала адрес: он внезапно вспомнился, сам собой всплыл в голове, как будто она давала его кому-то еще вчера.

Таксист повиновался.

Когда она увидела свой дуплекс, у нее защемило в глазах и перехватило горло – на сей раз от радости и облегчения. Он должен быть там, он обнимет ее и прижмет к себе. Возможно, заплачет, а она будет его утешать. И они долго-долго не разомкнут объятий. Потом он приготовит ей что-нибудь, не переставая смотреть на нее полным радости и любви взглядом.

Она с легкостью воспроизвела эту мысленную картину, которую прокручивала в голове, как кино, почти каждый день, с небольшими вариациями, но в целом без изменений.

Водитель остановился посреди улицы. Такси в ее воображаемом кино никогда не присутствовало, и она не знала, что случится дальше. Она вышла из машины, собираясь предложить таксисту прислать ей счет, но тот умчался, взвизгнув резиной. Умчался и исчез.

Она осталась на улице одна перед возвышающимся перед ней дуплеком – черным прямоугольником в ряду других темных зданий.

Дом.

Так странно пройти по знакомому тротуару, подняться по знакомым ступенькам знакомого крыльца. Она попробовала повернуть ручку, потом постучала. Дверь отворилась, и в мерцании свечей возникли лица: мужчина и женщина.

Теперь она вспомнила его имя.

Эрик.

Она ждала, что он узнает ее, ждала сцены, которая всегда разыгрывалась в воображении. Но он молча стоял с вопрошительным выражением на лице.

– Это я, – наконец проговорила она, как будто это все объясняло и такого объяснения должно было хватить.

На улице ее голос звучал еще более странно, холодный воздух уносил слова куда-то вдаль. Наверное, так себя чувствовал бы впервые попавший на Землю пришелец.

Эрик вглядывался в нее, казалось, несколько минут, и на лице сменялись эмоции, в конце концов остановившись на потрясении.

Она смущенно коснулась пряди влажных волос, впервые за много месяцев задумавшись о своем внешнем виде.

– Джуди? – В его голосе слышалось неверие.

Джуди, так ее и звали. Она и забыла. Как это глупо – забыть свое имя.

Оно словно повисло перед ней в воздухе и потянуло за собой намек на воспоминания, которые помогали ей выжить. О солнечных днях, об уютных кафе и латте по воскресеньям после любви и смятых простыней.

– Я дома, – сказала она, пытаюсь объяснить то, что не удалось в объяснении. Ее долго не было, но теперь она вернулась.

Эрик покосился на стоявшую рядом женщину.

За складывающиеся в месяцы недели, проведенные в подвале, она научилась читать мужчину как книгу, ведь в жизни не происходило ничего, кроме его визитов. Его появления были единственным раздражителем нервной системы, и она стала четко различать любые сигналы: каждое движение век, каждый вдох, каждый поворот головы. Теперь, в это мгновение, она легко считала стоящего перед ней мужчину – не только выражение лица, но глубже, на клеточном уровне. И поняла, что сцены, которую она прокручивала у себя в голове, не будет.

Эти двое вместе.

Женщина, скорее всего, спит в постели Джуди, а то и носит ее одежду.

– А ты быстро нашел замену, – вырвалось у нее. Если бы она готовилась заранее, придумала бы что-нибудь получше.

Он открыл и снова закрыл рот, а после паузы выдавил:

– Тебя не было три года.

Она моргнула и мысленно перенеслась назад в камеру. Ей казалось, что прошло месяца три, но никак не годы.

Он лжет. Обзавелся новой подругой и не хочет признавать свое предательство.

– Нет. – Голос у нее задрожал, и она покачала головой, неуверенно, потому что в глубине души знала, что прав он, а не она.

Эрик скорбно смотрел на нее, у него в глазах блеснули отражения свечей. И слезы.

– Да.

Вот это она о нем и помнила: чувствительный, добрый.

– Сколько ты меня ждал?

Теперь ему явно стало стыдно. Казалось, он вот-вот расплчется. Этого ей видеть не хотелось.

– Год.

Не в силах смотреть на Эрика в таком состоянии, она попыталась найти слова утешения.

– Ничего страшного. – И добавила: – Так или иначе, больше ни одному мужчине я не позволю прикоснуться ко мне.

Смысл ее слов потряс его еще больше.

– Джуди, какой ужас.

Теперь у него на лице была написана не только жалость.

В глазах, когда-то смотревших на нее с любовью, она прочла еще и отвращение.

Жалость она еще готова была снести, но не брезгливость.

– Я сегодня убила человека, – сказала она. – Убила, чтобы вернуться к тебе.

А потом она развернулась и побежала.

Бойфренд, имя которого она только что вспомнила, что-то кричал ей вслед, но она не останавливалась. Назад, в темноту. И, да простит ее Господь, на секунду в голове мелькнула мысль вернуться в подвал, в камеру, к трупам мужчины, которого она, возможно, зря застрелила.

Оставалось последнее место, куда она могла вернуться, где могла надеяться почувствовать себя дома. Привычный маршрут вспомнился сам собой: она повернула за угол и побежала в сторону центра, где находился Департамент полиции Миннеаполиса.

Глава 2

– Там женщина уверяет, что работала здесь. – Майра Неттлз остановилась в дверном проеме убойного отдела Департамента полиции Миннеаполиса. – Пыталась прорваться через приемную.

У детектива Юрайи Эшби не было времени разбираться с психами. В департаменте творился самый натуральный апокалипсис. Юрайе не полагалось делегировать полномочия, но шеф полиции Вивиан Ортега оставила его за старшего, пока всю полицию подняли на ноги, чтобы поддерживать порядок в городе.

– Думаю, ты сама справишься, – бросил он Неттлз.

В помещении горело аварийное освещение, как и во время предыдущих блэкаутов в городе. Перебои начались год назад, когда после взрыва на крупной подстанции случился пожар, лишив их резервного источника питания. Последствия оказались масштабными и долговременными: блэкауты повторялись из-за перегрузки оставшихся подстанций, и каждое отключение служило приглашением к мародерству и поджогам. Такое уже не раз случалось в стране. Самым серьезным был блэкаут 1977 года в Нью-Йорке; относительно недавно – в Нью-Орлеане после урагана «Катрина». Темнота неизменно воодушевляла преступный элемент. И в Миннеаполисе все еще не закончилось: новую подстанцию обещали

ввести в эксплуатацию не раньше чем через полгода.

– Она говорит, что ее зовут Джуди Фонтейн.

Эшби насторожился.

– Фонтейн? Точно?

Неттлз пожала плечами.

– Я только передаю информацию.

– Давай ее сюда.

Вернувшись обратно в сопровождении незнакомки, Майра сообщила:

– У нее был смит-вессон.

Юраяя никогда не встречался с Фонтейн, но видел достаточно фотографий и статей, чтобы определить: перед ним вовсе не пропавшая без вести и признанная погибшей сотрудница полиции.

– Это не детектив Фонтейн, – буркнул он.

Фонтейн примерно одного возраста с ним, то есть сейчас ей должно быть около тридцати пяти. Эта женщина выглядела намного старше, совершенно седая.

Значит, просто бездомная, да еще и с неустойчивой психикой, а поскольку она пыталась войти в здание с оружием...

– Отведи ее в камеру, – распорядился он. – Дай что-нибудь поесть и одеяло. Я потом с ней разберусь.

Чтобы понять, оформлять бродяжку или нет, придется провести допрос, а изолятор предварительного содержания округа Хеннепин переполнен – новая для города ситуация, побочный продукт блэкаутов. Бог свидетель, больше поло-

вины заключенных следовало бы поместить в психушку, а не в тюрьму, но разрешения кризиса не предвиделось, поскольку психиатрические больницы в штате закрыли много лет назад.

Майра завела женщине руки за спину и защелкнула на запястьях наручники. Та, казалось, даже не заметила этого, продолжая пристально смотреть на Эшби.

– Вас взяли на мое место? – внезапно спросила она.

Юрая покрутил пальцем, давая Майре знак увести задержанную. На улицах и без того хватает буйных. Приходили сообщения о поджогах домов, пожарные не успевали тушить огонь. Приходилось решать, какие здания спасать, а каким позволить сгореть дотла. Это уже стало обычным делом.

– Подожди. – Он с неохотой вспомнил, что жертвы похищений и заложники могут радикально меняться и по возвращении к цивилизации выглядят настолько по-другому, что даже родные иногда не могут их опознать. – Веди ее назад.

Майра развернула задержанную и подтолкнула вперед.

– Где стоял ваш стол? – спросил Юрая. – Покажите.

Женщина прошаркала мимо него, стуча задниками ботинок.

У шефа был закрытый кабинет – относительно закрытый, учитывая стеклянные стены. В остальном отдел представлял собой одно большое помещение с письменными столами, открытое пространство без перегородок. В солнечные дни свет сквозь выходявшие на улицу окна лился внутрь, как в теп-

лице. У некоторых рядом с обычным набором фото в рамках на столах стояли комнатные растения.

Бродяжка кивнула на аккуратный стол без фото и картинок в рамках и сказала:

— Грант Вэн, мой напарник. — Потом кивнула в другую сторону: — Дженни Карлайл. — Прошла дальше и остановилась. — А мой был здесь.

Стол принадлежал детективу Кэролайн Макинтош. Она пришла в департамент недавно — мать-одиночка, и ее, скорее всего, не взяли бы, если бы не острый дефицит кадров. После того как напарник самого Эшби ушел в отставку, шеф предложила ему в напарницы Кэролайн, но он отказался. Новенькую не слишком интересовала работа: она находилась в активном поиске и часто опаздывала на службу. Он не собирался терпеть необязательность коллеги. Иногда ему даже казалось, что Макинтош заигрывает с ним. Этого он тоже терпеть не собирался. «Познакомился с кем-нибудь наконец?» — непременно спрашивала его мать, когда они разговаривали по телефону. Но отношения с противоположным полом его в данный момент совершенно не интересовали.

Бездомная с улицы не смогла бы показать стол Фонтейн. Юрайя всмотрелся в стоящую перед ним женщину, и в голове у него начал складываться другой сценарий. Слишком большие куртка и ботинки, грязь и запах... Боже, ну и вонь. Кисло-сладкий смрад, как будто она не мылась... годами.

И глаза. Взгляд пустой и безнадежный. Отсутствующий.

Мертвый.

– Сними с нее наручники.

Задержанная с удивлением взглянула на него, будто уловила в голосе намек на эмоции, но это было нелепое предположение. Юрая умел сдерживаться. На самом деле он сдерживался уже слишком долго.

После того как с женщины сняли наручники, он достал телефон и открыл приложение.

– Вытяните руку вперед.

Сломанные ногти, глубоко въевшаяся в ладонь грязь. Кости запястья туго обтянуты тонкой полупрозрачной кожей, на руках следы побоев: глубокие красные шрамы, отеки, ссадины. Подняв глаза, он увидел перед собой живое воплощение голода.

Эшби прижал палец задержанной к экрану, снял отпечаток, нажал на несколько кнопок и в течение минуты получил совпадение. В ужасе, не веря своим глазам, он смотрел на фотографию красивой темноволосой женщины. Не стандартный официальный снимок: она выглядела полной жизни, озорной. Детектив Джуди Фонтейн.

Он знал ее историю: однажды вечером она вышла из дома на пробежку и не вернулась. Целая команда детективов, часть из которых уже не работала в полиции, не смогла раскрыть дело.

Юрая снова взглянул на впалые щеки, потрескавшиеся губы и землистую кожу.

Щурьясь, словно слабое аварийное освещение слепило ей глаза, женщина спросила:

– Что там? – Голос у нее казался хриплым, прерывистым, словно и дышать, и говорить ей было больно. Теперь детектив заметил распухшую челюсть и, опустив взгляд, увидел, что некоторые пальцы искривлены, видимо после неправильно сросшихся переломов. Ее пытали. Он судорожно сглотнул.

– Не надо, – прошептала она.

Она снова считала его. Конечно, на сей раз его реакцию заметил бы и слепой. «Не надо меня жалеть» – вот что хотела сказать Фонтейн.

По долгу службы Юрайя насмотрелся жестокости, и стоящая перед ним женщина ничем особенно не выделялась на фоне остальных жертв. Скорее, ей даже повезло больше многих: она осталась в живых.

Возможно, все дело в том, что она была одной из них, из полицейских. Возможно, именно поэтому видеть ее в таком состоянии было так тяжело. И как раз поэтому Эшби не сдержал эмоций, хотя уже давно запретил себе любые чувства.

Она спрашивала, занял ли он ее место в отделе. Почти угадала: Эшби приступил к работе через несколько месяцев после ее исчезновения. Дело Фонтейн вел Грант Вэн, но Юрайю тоже с ним ознакомили – во всяком случае, он знал, что никаких улик не осталось, кроме показаний свидетеля, видевшего, как женщину, по описанию похожую на Джуди,

затаскивали в фургон. Впрочем, его показания ничего существенного не давали. На горячие линии особо надеяться не приходилось, но наиболее вероятной версией и без того называли похищение. Юрайя считал, что детектив мертва. Все так считали. Судя по всему, работал профессионал, и все сошлись на том, что Джуди убили в тот же вечер, когда и похитили, а от тела избавились. Возможно, убийство на почве мести. К сожалению, с полицейскими такое случается.

– Как вы здесь оказались?

– Свет пропал. Я сбежала. Ушла.

Он мог бы задать еще миллион вопросов: кто, как, почему... Но не сейчас. Сейчас она нуждалась в медицинской помощи, а не в допросе.

– Неттлз отвезет вас в медицинский центр округа Хеннепин. Я потом заеду туда поговорить с вами. Вас это устроит?

– Мне там разрешат лечь в постель?

Больница, жуткое для большинства место, казалось ей желанным, поскольку там были постели. Он снова ощутил комок в горле и тихо ответил:

– Да.

Глава 3

– Какие у нее травмы? – спросил Юрайя. – Помимо очевидных.

Он разговаривал с врачом в больничном коридоре. Услышав вопрос, та поглубже засунула руки в карманы белого халата.

– Даже не знаю, с чего начать.

После появления Джуди Фонтейн в полицейском участке прошло шесть часов. Уже дали электричество, и на улицах восстановился порядок. Пострадавшую осмотрели, вымыли и определили в отдельную палату. Юрайя заехал домой, где немного поспал и принял душ. Он успел связаться с шефом Ортегой, которая поручила дело Джуди ему исходя из того, что Фонтейн будет проще иметь дело с незнакомым ей человеком. Эшби согласился.

Известие о спасении Фонтейн стало для Ортеги шоком – теперь всему департаменту придется жить под грузом вины. Да, со дня исчезновения Джуди прошли годы, но это не отменяло того факта, что детективы бросили одну из своих.

– Переломы костей, которые, скорее всего, никогда не вправлялись, – начала врач. – Множественные сотрясения мозга. Шрамы по всей груди и спине. Менее серьезно, но требует неотложной помощи – зубы. Как только мы стабилизируем пациентку, ею займется стоматолог. Анализ крови

выглядит ужасно, почти все элементы в дефиците – неудивительно, учитывая, что она голодала. Говорите, она сбежала? И пришла пешком в полицию?

– Видимо, так.

– Честно говоря, я не понимаю, как ей удалось. – Врач помолчала. – Послушайте, вы можете войти к ней в палату, но постарайтесь ее не расстраивать.

Юрайя кивнул.

– Мне нужно выяснить, где ее держали, что именно с ней произошло. Мы не можем быть уверены, что ей ничего не угрожает.

– Я просто прошу быть с ней помягче и не давить, если она еще не готова разговаривать. У нее может случиться срыв, и тогда вы вообще ничего не узнаете.

– Понимаю.

Врач ушла, а Юрайя постучал в открытую дверь палаты и только потом вошел.

Вымытая и переодетая в больничный халат вместо огромной куртки, Джуди стала выглядеть еще хуже – если такое вообще возможно. На обнаженных руках темнели свежие и старые синяки, на тонких запястьях – шрамы и болячки. Видимо, кто-то попытался вымыть ей голову, но бросил. Эшби невольно захотелось взять ножницы и остричь ей колтуны.

– Доброе утро. – Он подтащил к кровати кресло. – Помните меня?

Нажав кнопку на пульте, больная приподняла изголовье

койки на несколько дюймов.

– Моя замена.

– Я бы так не сказал.

– Детектив Эшби, верно?

– Да, так и есть. – Удивительно, но она запомнила его фамилию. – Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Лучи утреннего солнца косо падали ей на лицо, подчеркивая яркую голубизну глаз, которые смотрели прямо на него, отчего делалось неловко. В отличие от поседевших волос, брови остались темными и казались почти черными. Юрайя пересек палату и потянулся к шторам.

– Не надо.

Он застыл с поднятой рукой.

– Оставьте открытыми.

– Вам солнце в глаза бьет.

– Вот и хорошо.

До него не сразу дошел смысл этой фразы. Судя по бледной, землистой коже, она очень давно не видела солнечного света.

Юрайя сел рядом с кроватью, несколько обескураженный ее спокойной сосредоточенностью и внимательным взглядом. С другой стороны, женщину похитили далеко не вчера. За несколько лет она, видимо, научилась подавлять чувства, перепрограммировала мозг принимать любую реальность. Даже свободу.

– Не стесняйтесь, – сказала она.

Неужели он настолько прозрачен? Юрайя гордился умением сохранять невозмутимость, хотя бы внешне. Не холодное безразличие, а самообладание. Сдержанность помогла ему в целой куче сложных ситуаций, в том числе в прошлом году. Конечно, его личная трагедия не шла ни в какое сравнение с тем, что выпало на долю Фонтейн, но пережить ее, возможно, было ненамного легче.

– Не бойтесь вопросов, которые надо задать, – продолжил Джуди. – И того, что со мной случилось. От разговоров хуже не станет. Не надо думать, будто я все уже забыла, а вы мне невольно напомните.

– Ну да... вот этого я как раз и боялся, – признался он.

– Я вам помогу. Не могу сказать, где находится тот дом.

– Но это был дом, а не заброшенное здание или склад, верно?

– Дом. В жилом районе.

Они перешли к ее побегу – как ей удалось вырваться. Она сообщила, что убила мужчину, который держал ее в подвале три года.

– Из пистолета, с которым вы пришли в участок.

– Да.

Серийный номер пистолета был спилен; оружие, вместе с курткой, шапкой и ботинками, в которых она пришла, отправили в криминалистическую лабораторию.

Эшби надеялся, что найдется отпечаток или совпадение по базе ДНК.

– Тот мужчина – вы уверены, что убили его?

– Уверена. – Ее глаза затуманило сомнение. – Хотя было темно.

Юрайе снова захотелось задернуть шторы. Солнце было слишком ярким и высвечивало слишком многое: выпирающие ребра, полупрозрачную кожу, проплешины на затылке – не то она сама выдернула волосы, не то кто-то другой.

Фонтейн могла ошибаться насчет смерти своего похитителя. В смятении все вокруг наверняка казалось нереальным. Она была перепугана и думала только о том, чтобы сбежать.

– Вы бы узнали дом, если бы увидели его? – спросил он.

Не глядя на него, Джуди сосредоточилась, копаясь в мыслях и пытаясь что-то вспомнить.

– Нет. Я никогда не видела дом снаружи и понятия не имею, как он выглядит.

– И вы сразу пошли пешком в полицию.

Она замаялась. Жертвы всегда в какой-то момент начинают мяться. Настал момент лжи. Детектив Эшби уже много лет допрашивал людей и научился видеть, как ее придумывают. Но, к чести Джуди, она отбросила ложь и решила сказать нечто, как он надеялся, близкое к правде:

– Я пошла домой.

– Домой.

Он нахмурился, не совсем понимая и пытаясь вспомнить известные факты ее биографии: не замужем, но на момент похищения у нее был бойфренд.

– Что произошло после того, как вы пришли домой?

Она сглотнула.

– Не хочу об этом сейчас говорить.

– Хорошо, отложим на потом. – Он помнил предостережение врача: не давить и не торопить. – Может, тогда начнем сначала? Со дня похищения.

Против этого Джуди как будто не возражала.

– Я не помню похищение, – призналась она.

Ну еще бы. Помимо эмоциональной травмы могло быть еще и сотрясение мозга.

– Первое, что помню, – я очнулась на полу в подвале, в помещении без окон. Слишком тесном, чтобы лечь. Приходилось подгибать ноги, когда спала. Я не видела никого, кроме мужчины, которого убила вчера вечером. А его никогда не видела раньше, до того момента, когда он открыл дверь камеры три года назад.

Она замолкла, и Эшби понял, что это еще одна тема, которой ей не хочется касаться. Однако рано или поздно похищенной придется дать полные свидетельские показания о том, что происходило в том подвале, чтобы мужчина, который удерживал ее там против воли, мог понести наказание – если, конечно, он еще жив.

– Я пришлю к вам сегодня художника-криминалиста. Вы согласны?

– Да.

Несмотря на кажущуюся стойкость, разговор явно утомил

жертву. Лучше дать ей отдохнуть.

– Давайте закончим завтра.

Тем временем можно поговорить с бывшим бойфрендом и отправить полицейских опросить население районов, через которые она могла проходить, хотя из-за блэкаута вероятность того, что кто-нибудь видел беглянку, стремилась к нулю. Актуальную информацию по делу распространят по всему Департаменту полиции Миннеаполиса. Возможно, сосед слышал выстрелы. Или нарисованный художником со слов Фонтейн портрет даст зацепку.

Теперь, когда вопросы прекратились, по крайней мере на время, она явно расслабилась.

– Если вам будет легче рассказать о подробностях похищения детективу-женщине, это можно организовать.

– Но вы же все равно будете читать мои официальные свидетельские показания, верно?

– Буду.

– И дело вести тоже будете вы?

– Да.

– Тогда я предпочитаю говорить с вами.

Эшби вернул стул на место и уже собрался уйти, когда в дверь палаты постучали.

Юрайя с удивлением увидел на пороге мужчину, знакомого ему из местных новостей. Дорогой кожаный пиджак, брюки ценой в месячную зарплату полицейского, безупречно гладкая кожа, мужественная щетина и сформированные

стилистом брови, – Адам Шиллинг, плейбой и один из самых завидных женихов в городе. И тут Юрайя вспомнил о том, что непостижимым образом вылетело у него из головы: Джуди Фонтейн – дочь губернатора Филипа Шиллинга, а этот мужик – ее брат.

Эшби не так давно переехал в Города-близнецы¹ и не следил за слухами в желтой прессе, однако смутно помнил, что в шестнадцать лет Фонтейн ушла из семьи, видимо больше не желая иметь с Шиллингами ничего общего, и даже сменила фамилию. Судя по выражению ужаса на лице Джуди, ее чувства к родным за эти годы не претерпели существенных изменений.

– Какого хрена ты сюда приперся? – бросила она.

Шиллинг нахмурился.

– Хотел тебя проведать. Шеф Ортега сообщила нам о твоём освобождении, и папа попросил меня убедиться, что с тобой все в порядке. – Адам сглотнул, и глаза у него увлажнились. – Боже. Ну и вид у тебя.

– Убирайся, – прошептала она.

Если жертва похищения выйдет из себя, следствию это никак не поможет.

– Вам лучше уйти, – вмешался Юрайя.

Шиллинг поднял руки, сдаваясь:

– Ладно, ладно. – Он попятился, развернулся и исчез за

¹ Twin Cities (англ.) – так называют Миннеаполис и Сент-Пол, представляющие собой единую городскую агломерацию. – *Здесь и далее примеч. пер.*

дверью.

Джуди потеряла пульт кровати, но бросила тщетные попытки и, безвольно уронив руки, закрыла глаза на пепельно-бледном лице.

Боясь, что она потеряет сознание, Эшби сам схватил пульт, нажал на кнопку и опустил изголовье.

– Шторы, – еле слышно выдохнула Фонтейн.

Он задернул окно тканью, и в палате наступил полумрак.

– Все нормально? – спросил детектив. Ну и вопрос.

Джуди едва заметно кивнула, как будто боялась, что ее вот-вот стошнит.

– Принести вам воды?

– Нет.

Под этим явно подразумевалось, что посетителю пора. Он и так пробыл в палате слишком долго.

– Я приду завтра.

Шиллинг стоял в коридоре, прислонившись к стене. Услышав шаги Эшби, он выпрямился.

Юрайя представился и предъявил жетон.

– Ее вообще не узнать, – пробормотал Шиллинг, явно потрясенный увиденным. – Я, конечно, понимал, что она пострадала, но... – Он покачал головой. – Просто жуть.

– Хотите кофе? – предложил Юрайя. За жестом вежливости стояла надежда получить информацию.

Через пять минут они уже сидели за угловым столиком в больничной столовой, а перед ними стояли две толстые бе-

лые кружки.

– Боюсь, я мало что могу сказать. – Шиллинг отмерил две ложки сахара и принялся шумно перемешивать напиток, брякая сталью о фаянс. – Я не общался с Джуди после ее шестнадцатилетия. Даже не видел ее. Наверное, зря я пришел сюда. Подумал, вдруг она обрадуется, увидев брата, как знать? Может, ей захочется, чтобы кто-то из родных был рядом.

– Этот кто-то явно не вы.

Шиллинг метнул на него раздраженный взгляд и пустился в объяснение семейной ситуации:

– Сестре поставили психиатрический диагноз еще в детстве. Честно говоря, если бы не ее внешний вид, я бы заподозрил, что она сама где-то пряталась эти три года. Что ее исчезновение – мистификация. – Он пожал плечами. – Просто чтобы отомстить нам за то, что мы якобы с ней сделали. Но когда я увидел Джуди в таком состоянии... Значит, все было по-настоящему. Теперь мне стыдно, что мы не приложили больше усилий, чтобы найти ее.

Юраяя впервые услышал о психических проблемах Фонтейн. Ее бы не взяли на работу в полицию без психиатрического освидетельствования, однако Шиллинг знал ее ребенком, подростком, а не взрослой. Юным свойственна нестабильность.

– А у нее есть близкий человек, с кем она поддерживала связь и кто сумел бы помочь ей сейчас?

Шиллинг покачал головой.

– Не знаю таких. На момент похищения она жила с одним парнем, но я точно знаю, что у него уже другая жизнь. Видел его с женщиной. И кто бросит в него камень?

У Эшби возникло неприятное предположение.

– А этот ее бывший парень – он до сих пор живет в том же доме?

– Без понятия.

Подумать только: сбежать из подвала, где тебя продержали взаперти три года, прийти домой и встретить там другую женщину!

– Просто имейте в виду, – продолжил Адам, – она была нестабильна еще до всего этого, а теперь – сами видите. Реакция у нее явно ненормальная.

Но Юрайя знал: ни один уважающий себя детектив не станет безоговорочно принимать версию одной из сторон.

– Вы младше ее или старше? Есть еще братья и сестры?

– Нет, нас всего двое. Я на четыре года старше. Мама погибла: несчастный случай с оружием. Джуди тогда было восемь, а мне двенадцать. Мы отдыхали в загородном доме на севере штата. Джуди не видела, как случилась трагедия, хотя была в доме. Зато она видела последствия. Все были в ужасе. Папа чуть с ума не сошел. Конечно, ребенку тяжело, когда отец не в себе, взрослые в панике. Мне кажется, с тех пор у нее и начались странности. Да и неудивительно, правда? Вскоре после этого у сестры стали возникать параноидаль-

ные, бредовые идеи. Она начала обвинять отца, будто это он убил мать. Вбила себе в голову и уперлась.

Рассказ Шиллинга о трагической гибели матери напомнил детективу кое-что еще: это сам Адам случайно застрелил ее. Умолчание об этом кое-что говорило о его характере, хотя, возможно, он просто не любил обсуждать столь травматическое событие, тем более с незнакомым человеком.

– Чувствую себя сплетником, – Шиллинг казался мрачным, но говорил как будто искренне, – но, как мне кажется, вам нужно знать эти детали жизни сестры, чтобы вы понимали, с кем имеете дело.

– Чем больше информации, тем лучше.

– Она что-нибудь вам рассказала о том дне, когда ее похитили? – спросил Шиллинг. – Где она была? Кто на нее напал? Как ей удалось сбежать?

– На данный момент нам ничего не известно. А если бы я что-то и знал, то все равно не имел бы права обсуждать это с вами. – Юрайя положил на стол визитную карточку и придвинул ее к собеседнику. – Если вспомните что-то, о чем забыли рассказать, пусть даже сущую мелочь, – звоните.

Шиллинг пробежал визитку глазами и положил в карман.

– Присматривайте за ней, хорошо? Что бы она обо мне ни думала, я считаю, что за родных надо держаться. Если могу чем-то помочь, даже негласно, дайте знать. – Он сделал неопределенный жест. – Если понадобятся деньги или еще что.

Джуди Фонтейн не походила на человека, который готов принимать помощь, тем более от брата, с которым порвала отношения. Эшби мог сделать только одно: найти, живым или мертвым, того уroda, который ее похитил. Теперь именно от Юрайи зависело, не подведут ли ее коллеги еще раз.

Глава 4

На следующий день детектив снова пришел к ней в палату и на сей раз принес одежду.

– Говорят, завтра вас выпишут, – сказал он. – Подумал, что вам, наверное, не во что переодеться. Размеры прикинул на глаз.

Джуди молча смотрела на него со своей койки, а детектив Эшби положил белый пластиковый пакет на один из стоявших у стенки стульев, потом уселся рядом с кроватью и достал ручку, блокнот и цифровой диктофон.

Сегодня он пришел в костюме с галстуком, но довольно длинные темные выующиеся волосы, похоже, не очень поддавались расческе. Джуди решила, что ему под сорок, но в полиции часто стареют быстрее. Столкновение с преступниками прибавляет возраста – это она прекрасно знала по себе. Как знать, может, ему лет двенадцать.

Даже если за три года одиночного заключения мозги у нее и подкисли, чувство юмора еще осталось.

– Все так сильно пахнет, – заметила она.

Детектив нахмурился, не понимая. Широкие брови сошлись над темно-кариими глазами.

– Я чувствую все запахи, – пояснила она. – Ткань вашей куртки. Кофе, который вы пили. Пластиковый пакет. Запах еды из коридора. Как будто раньше у меня вообще не было

обоняния. Странно, правда?

Джуди умолчала о том, что от посетителя идет еще и слабый запах алкоголя со вчерашнего вечера, а то и сегодняшнего утра, и чего-то еще неуловимого – возможно, мыла.

Он вытер рот тыльной стороной ладони.

– Эффект изоляции.

Дело не ограничивалось запахами. Она смотрела во все глаза, беспардонно изучая лицо Эшби до последней поры на коже, до каждого волоска на голове, каждого изгиба ресниц, и не извинилась даже после того, как он неловко заерзал на стуле.

Беседа заняла около часа. Не так уж долго, учитывая, что она изложила историю трех последних лет своей жизни, причем таким тоном, будто зачитывала список покупок. В какой-то момент в течение этого срока что-то у нее внутри отказало, отключилось. В противном случае она, скорее всего, потеряла бы рассудок, но в результате превратилась в человека, способного говорить о зверствах безо всяких эмоций. Закончив рассказ, она подняла глаза и заметила, что собеседник побледнел. И не только...

– У вас рука трясется, – проговорила она.

Он опустил глаза, тихо хмыкнул от досады и щелкнул ручкой, чтобы скрыть дрожь пальцев.

Его реакция не доставила ей никакого удовольствия. Джуди не знала, как себя вести, к тому же, увидев шок детектива Эшби, она почему-то почувствовала себя оскверненной. Ей

пришло в голову, что пережитое словно бы лишило ее человеческой сущности, сделало ущербной. Возможно, поэтому женщины часто не сообщают в полицию о том, что подверглись насилию. Боязнь мести, тревога перед завтрашним днем, страх одиночества или любовь к насильнику – все это на втором плане. Как только люди узнают правду, как только факты выставлены на всеобщее обозрение, насилие лишает жертву человеческого достоинства, и она страдает дважды. Сначала от насильника, а потом от реакции остальных.

Эшби выключил диктофон.

– И как насчет завтра? – спросил он, закрыв блокнот.

Он, конечно, прослушает ее показания еще раз, после того как уйдет, в этом она ничуть не сомневалась. В голове мелькнула мысль схватить диктофон и разбить его об пол.

– А что будет завтра? – переспросила она.

– Вам есть куда идти?

– Найду.

– А деньги? Деньги у вас есть?

– Сегодня приходила шеф Ортега, принесла чек. Якобы задолженность по зарплате.

Джуди подозревала, что начальница специально продавila выплату через бухгалтерию, чтобы Фонтейн было на что жить хотя бы ближайшие месяцы. Ортега начала работать в их отделе за шесть месяцев до ее похищения – недостаточно, чтобы завязать тесные рабочие отношения, но за это время Джуди успела оценить ее заботливый характер.

– К тому же я позвонила в банк. Как выяснилось, у меня там остался счет. Я немного откладывала. – До того, как умерла. Нет. Не так: она не умерла. Но последние три года были все равно что смерть, и теперь она чувствовала себя привидением, блуждающим по одновременно знакомой и незнакомой территории новой жизни, с новыми действующими лицами. Ни дома, ни бойфренда, ни работы. – Денег негусто, но на первое время хватит.

Эшби явно обрадовался, услышав, что она не нищая.

– Я могу за вами заехать, и, если у вас будут силы, мы можем немного покататься по городу – возможно, заметите что-нибудь знакомое. Посмотрим, вдруг удастся узнать дом, где вас держали.

Она кивнула:

– Я согласна. – Очередная ложь.

– И я готов помочь вам найти жилье. Подключить мобильный телефон. Оказать любое содействие.

– В этом нет необходимости.

– Приказ Ортеги.

– Спасибо.

Остаток дня получился крайне утомительным. Приходила художница с углем и планшетом. Когда она закончила, Джу-ди с облегчением откинулась на подушки. За эти два дня она говорила больше, чем за три последних года. Она так долго мечтала увидеть чье-то лицо, кроме того, которое изобразила художница, но теперь хотелось, чтобы ее оставили в

покое. Ненадолго. Только чтобы перестроиться, прочувствовать вкус свободы.

Несмотря на усталость, отдохнуть не удавалось из-за яркого света, незнакомых запахов и постоянного шума. В здании больницы неумолчно бился пульс моторов, воздуходувок, шкивов и блоков – Джуди была готова поклясться, что оно дышит. Когда в дверь постучали, она не стала открывать глаза. Хватит с нее разговоров. Хватит вопросов. Но потом она уловила запах кофе и взглянула.

В дверях стоял детектив Грант Вэн с белым бумажным пакетом в одной руке и подносом для кофе на вынос в другой.

– Ванильный латте и плюшка с клюквой, – объявил он, приподнимая пакет.

Грант, на пару дюймов ниже шести футов, стройный и мускулистый, в темном костюме, с челкой прямых черных волос, казалось, ничуть не изменился, и это раздражало еще больше, чем его внезапный визит. Отсутствие перемен в бывшем коллеге казалось несправедливым – но чего она ожидала?

Возможно, ей хотелось бы увидеть Гранта немного постаревшим, с проседью и намечающимися морщинами. Он служил наглядным свидетельством того, что три года истязаний длятся целую вечность, но для нормальной жизни это совсем небольшой срок.

Интересно, встречается ли он с кем-то, не женился ли. Нравится ли она ему до сих пор? Она надеялась, что нет. По-

сле того, как Грант признался ей в своих чувствах, а она его отвергла, работать вместе стало некомфортно.

– Видела бы ты, какой цирк снаружи, – сообщил он, входя в палату. – У главного входа толпится сотня репортеров, надеются на сенсационное интервью.

Слишком рано.

При виде человека из прошлой жизни, тем более того, с кем она одно время работала в постоянном контакте, мозг грозил отключиться. Джуди изо всех сил старалась сохранить чувство реальности, а Вэн тем временем пристроил кофе и пакет на больничный столик и подкатил его к кровати. Потом он уставился на нее долгим взглядом, и Джуди поняла, что он пытается узнать в уродливом существе под одеялом более-менее привлекательную женщину, которую когда-то знал.

– Я тебя искал. – В его глазах стояла мольба. – Хочу, чтобы ты знала. Искал много месяцев.

Все хотели получить прощение. В очередной раз придется успокаивать кого-то, чтобы не слишком расстраивался по поводу ее страданий. В очередной раз нужно утешать и обнадеживать.

– Все нормально, – успокоила она Гранта.

– Я просил, чтобы твое дело дали мне. – Он придвинул стул поближе к кровати и сел, обдав ее попурии ароматов, смешавшихся с запахами хлопчатобумажного белья и больничной еды. – Но Ортега, видимо, считает, что тебе ком-

фортнее говорить с Эшби.

– Так и есть, – просто ответила она. Что еще тут скажешь? Вэн кивнул, глядя на свои руки.

– Ты что-нибудь помнишь? О том дне, когда тебя похитили.

Джуди словно оказалась в капкане, на нее давило все – палата, присутствие Гранта, все то, чего он от нее хотел: от простого разговора до эмоциональной близости. Она просто не знала, как сказать ему, что ей нужно побыть одной.

Слишком рано.

– Нет. Ничего.

Она повернулась лицом к стене и притворялась спящей, пока он не ушел.

* * *

Утром Джуди оделась. Принесенная детективом Эшби одежда пришлась почти впору, главным образом потому, что состояла из черных спортивных брюк, трикотажной кофты с капюшоном и пухлой синей куртки, от которой пахло универсальным магазином «Таргет» – запах настолько характерный, что она узнала его даже через три года. Джуди поднесла куртку к носу, закрыла глаза и глубоко вдохнула, пытаясь представить себе, как детектив выбирает одежду для нее, незнакомой женщины.

Она надела куртку, сунула руки в карманы и обнаружи-

ла перчатки и вязаную шапочку, тоже симпатичного синего цвета и тоже новую и чистую. С обувью повезло меньше: практичные коричневые сапожки по щиколотку оказались маловаты, но с этим оставалось только смириться.

– Готовы идти? – спросила сестра с планшетом.

– Да.

– За вами кто-нибудь приедет?

– Возьму такси.

– Подпишите форму выписки.

Сестра передала ей планшет, и Джуди поставила подпись.

Она пыталась не показывать, что спешит, но ей не терпелось убраться из больницы до того, как появится детектив Эшби. Ей не хотелось видеть жалость в его глазах и еще больше не хотелось читать у него на лице, что после беседы он еще раз прослушал ее показания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.